

С.М.Треблер

*Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана (E-mail: gendel@gmail.com)***Языковая ситуация эпохи в отражении художественным текстом**

Язык изменяется во времени, это эволюционное качество заложено в нем имманентно. В статье рассмотрено отражение языковой ситуации Петровской эпохи в преломлении современным художественным текстом. Основной характеристикой языка Петровской эпохи является его генетическая разнородность. Выявлено, как в тексте романа «Девятный Спас» А.Брусникина в разных пропорциях смешиваются три лексические стихии — славянизмы, просторечие и заимствования, а также архаичные славянские и новые разговорные грамматические формы, синтаксические конструкции, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык.

Ключевые слова: языковая ситуация, Петровская эпоха, просторечие, заимствование, церковнославянизмы.

Язык, время и общество — извечная проблема исследователей. Язык как чуткий прибор регистрирует социальные процессы, он — индикатор социальных изменений. Язык живет и меняется вместе с обществом, которому служит, подчиняется ему и одновременно воздействует на него. Свидетельством таких перемен стали трансформации в языке современной русской литературы.

Дискурс современной русской литературы многолик, что определяется многообразием тем и персонажей, которых не могло быть в официальной литературе доперестроечного периода. Особенности современного российского общества проявляются в стремлении уйти, если для этого есть малейшая возможность, от всего того, что было вчера, проститься с эпохой, язык которой именовался зарубежными русистами *langue de bois* — «деревянным», «дубовым» языком. Эта тенденция с особой очевидностью проявляется в языке средств массовой информации и русской литературе рубежа XX и XXI века и имеет двунаправленный характер. С одной стороны, мы наблюдаем сближение с разговорной речью, просторечием, жаргоном, элементы эпатажа, шока, игру слов, смешение разных культурных традиций, а с другой — в современных художественных текстах налицо стилизация языка более ранних эпох с прекрасным знанием исторических реалий.

Развитие любого национального языка знает эпохи либерализации и консервации, при смене которых и достигается обновление. Одной из определяющих особенностей стилистики русского художественного слова последнего времени является речевой эксперимент как «сдвиг», эстетически маркированное отклонение от нормы. Объектом его могут быть единицы всех языковых уровней: фонологического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического. Уровень текста как целостной вербальной организации и транстекстовая (межтекстовая, интертекстовая) вербальная репрезентация символа также становятся экспериментальной площадкой, а читатели современной художественной прозы выступают свидетелями весьма интересных языковых новшеств.

Сегодняшняя русская литература позволяет приблизиться к той языковой стихии, которая является отражением эпохи, описываемой в тексте художественного произведения. В этом отношении несомненный исследовательский интерес вызывают художественные тексты, представляющие собой стилизацию определенного историко-культурного периода.

В фокусе нашего внимания находится текст одного из последних романов Б. Акунина, выступающего под литературным псевдонимом А. Брусникин, «Девятный Спас». Наша цель — наблюдение над тем, какие речевые средства избраны автором для отражения языковой ситуации Петровской эпохи, как образ мира, запечатленный в языке, отражается в художественном произведении.

Этот роман — историко-приключенческая сага из Петровской эпохи, в которой автор дерзновенно оспаривает правильность и ценность для России крутых реформ Петра I. Главные герои — тщательно придуманная тройца друзей, призванная олицетворять «исконную», былинную Русь: дворянский сын Митьша, крестьянский сын Илейка и попovich Алешка. Как-то раз мальчишки забрели в лес, чтобы проследить за деревенской ведьмой, и попали в такой переплет, что это на всей их жизни сказалось. Тайны, погони, сокровища, политические интриги, заговоры, дуэли и одна на всех несчастная любовь. Сам «Петруха, черт табашный» в романе не появляется. Однако он незримо присутствует на каждой странице. Все описываемые мерзости творятся с его ведома и поущения. Петровская

«перестройка», изменившая и преобразовавшая Россию, привела к тому, что в результате и вследствие нее каждый пятый россиянин в землю лег. Автор осторожно подводит читателя к выводу: постепенное преобразование страны Алексеем Михайловичем и царевной Софьей было взорвано Петром, вздернувшим Россию «на дыбы» (Пушкин).

Открываем первую страницу книги, и полностью, с головой, погружаемся, как в омут, в смутные времена сразу после Стрелецкого бунта, когда Софья ещё цеплялась за власть, стремительно ускользающую от неё к Петру. Такому полному погружению весьма способствуют не только колоритные детали, рисующие картину далёкого прошлого: быта и нравов, но и, в большей степени, язык книги, изобилующий старинными словечками ровно настолько, чтобы погрузить читателя в тот исторический период. То есть понятно, что тогда на Руси говорили совсем не так, как мы (услышь ту речь, мы бы многое не поняли!), но используемые автором слова приближают нас к ощущению, что всё, описанное таким языком в книге, происходило на самом деле, и при этом читатель воспринимает текст не напрягаясь.

В современной лингвистике текст определяется как языковой компонент акта коммуникации. Коммуникативный акт, в свою очередь, рассматривается как сложное отношение между лингвистическими, социолингвистическими и нелингвистическими составляющими. Текст есть та среда, в которой реализуются функции языковых средств разных уровней — лексического, грамматического, стилистического. Под средой существования текста понимается коммуникативная ситуация, в которой реализуется текст. Как же можно охарактеризовать языковую ситуацию Петровского времени?

Как известно, наряду со строительством новой России, новой русской культуры, была выдвинута и задача создания нового литературного языка. Создание нового литературного языка выступает важным составляющим в процессе европеизации русской культуры. Новый литературный язык строился как антипод старому — церковнославянскому языку. Но как строить этот литературный язык, каким он должен быть? Ответы на эти вопросы могли быть самыми разными, поэтому первые опыты создания литературного языка носят экспериментальный характер [1–3].

Тексты произведений, созданных в эти годы, обычно характеризуются как стилистически неорганизованные, хаотические, смешанные, пестрые, неупорядоченные. В них в разных пропорциях смешиваются, и именно смешиваются, а не синтезируются, три лексические стихии — славянизмы, просторечие и заимствования, а также архаичные славянские и новые разговорные грамматические формы, синтаксические конструкции [4;150;2;288]. Именно это причудливое смешение тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык, наблюдается в художественном тексте романа «Девятный Спас»:

Дворянчик-то с поповичем, наоборот, росли при отцах, но без матерние [3;8].

Митьшина мать скончалась родами, Алешкина была хвора и тугосися, сама выкормить своего заморыша не могла [3;8].

Однако сегодня, потрясенный увиденным, священник заговорил иначе. Готовясь от introduction, то есть вступления, перейти к narration, сиречь главной части рассказа, отец Викентий вздохнул, перекрестился, веско сказал: — Воистину не без великого есть народом от того супротивства мнения. Понеже опасны, как бы от сего не вышло великого худа. Аз же паки на милость Божью едино благонадежен есмь... [3;9].

В приведенных контекстах видим, с одной стороны, слова, выражения и грамматические формы традиционного, церковнокнижного происхождения; с другой — слова и словоформы просторечного, даже диалектного характера, т.е. налицо необыкновенно широкая амплитуда колебания от самых архаических славянизмов до бытового просторечия. К этому добавляется и мощный иноязычный элемент, что приводит к еще большей пестроте языка анализируемого текста; иноязычные элементы речи слабо освоены русским языком, что проявляется в их графической подаче и в семантическом комментировании.

Обычно указывается, что в Петровскую эпоху имеет место отказ от церковнославянского языка в качестве литературного и становление в этом качестве русского языка. Но, как отмечает В.М.Живов, в качестве исходных берутся генетические, а не функциональные параметры, а они плохо подходят для описания преобразования языка. Оказывается, что, с одной стороны, церковнославянизмы ограничиваются в своем употреблении, а с другой — церковнославянские «элементы» получают широкое распространение, так как «общенародный российский диалект» не всегда был в состоянии при переводах передать «красоту и высоту», к примеру, латинского оригинала, и только церковнославянский мог соответствовать достоинству культового языка. Это обстоятельство позволило

в свое время В. В. Виноградову утверждать, что литературный стиль Петровской эпохи, несмотря на свой смешанный состав, не переставал быть и называться «славенским» [5].

В тексте романа представлены две основные речевые структуры: авторская речь и прямая речь. В авторской речи большой объем занимает номинативно-изобразительная речь, направленная на конкретно-чувственную презентацию внешней действительности:

В конце семнадцатого века страна, именовавшаяся Московским царством, владела почти такой же огромной территорией, как сегодняшняя Россия, однако была в двадцать раз малолюднее... Подданные этой обширной державы скудно ели, жили в невежестве и рано умирали... [3;5].

Большое внимание к мелким деталям и подробностям, которые не играют особой роли в развитии сюжета, объясняется стремлением автора сделать повествование максимально объективным, создать иллюзию реальности описываемых событий:

Здание их государства, не больно ладное, но сшитое крепко, из вековых бревен, было лишено всякого удобства, пугало иноземцев суровостью некрашенных стен и безразличием к внешней красавости, а... углы и связи надежно держались на безвоздушных скрепах, крыша почернела, да не прогнулась, и сиял над ней золотой купол, и сидела на перекладине креста белая птица Алконост [3;6].

Языковая политика Петра Первого — это отражение его культурной политики. Новый русский литературный язык, формирующийся в течение XVIII века, был призван обслуживать непрерывно возрастающие потребности государства, развивающихся науки и техники, культуры и искусства. Так, новое административное устройство, преобразование Московского государства в Российскую империю, вызвало к жизни наименование новых чинов и званий, вошедших в «Табель о рангах» 24 января 1722 года. Вырабатываются речевые черты чиновничьей субординации — формулы обращения нижестоящих чинов к вышестоящим. Развитие военного, и особенно военно-морского дела, породило множество соответствующих руководств и наставлений, воинских и морских уставов, насыщенных специальной терминологией, заново формируется военно-морская, артиллерийская, фортификационная терминология и другие отрасли специальной лексики. П. Житецкий правильно оценивал отношение Петра I к языку: «Была ли угодна славяно-русская речь Петру Великому? Как великороссиянин по крови, он употреблял в личной переписке своей великорусское наречие... Как страстный защитник европейских порядков жизни, он поощрял и в общественной, и в литературной практике широкое употребление иностранных слов. Наконец, как организатор русской государственной жизни, как творец государства Российского в европейском смысле, Пётр Великий сознавал нужду в таком языке, который служил бы для всех народов, вошедших в состав его обширного государственного единства» [6].

Художественный текст романа «Девятный Спас» в полной мере отражает лингвистическую гетерогенность Петровской эпохи. Язык романа стилизуется под «простой» русский, где грамматической основой становится «простая» речь, в то время как словарь не может не носить смешанный характер.

Несомненно, что прямая речь, составляющая диалог персонажей, является основной речевой структурой текста романа, проявляющей яркие отличия литературного языка Петровского времени от предшествующей традиции. Именно в речи героев мы наблюдаем, как слова разговорного стиля, просторечной лексики, фразеологизмы, характерные для разговорного стиля, в рамках одной и той же синтаксической конструкции объединяются с языковыми единицами, несущими черты литературной книжности. Ср.:

...Ну да бодливой корове, сам знаешь, рогов не дадено. Когда ж от великих горестей претяжкие рога из чела моего произросли, бодливости не осталось... Здесь уже, в деревне, имея много досуга и обретя несуетную душу, разобрал я пророчество [3;19];

— Учиться бы Алешке, — с дрожанием в голосе, робко промолвил отец Викентий. — На Москве ныне есть преславная школа, рекомая Греко-Еллинской академией... Плата только немалая. Сорок рублей в год, да обувь-одеть, да на перья-бумагу. С моего поповского корма не осилить [3;22].

К концу XVII века старая административная система не соответствовала социально-экономическому строю страны: монархия с Боярской думой, рыхлым аппаратом приказов и воевод не могла разрешить сложные внутри- и внешнеполитические задачи. Необходимо было укрепить государственный строй путём преобразования высшего, центрального и местного аппарата и армии, превращения главы государства — самодержавного царя и носителя абсолютной (неограниченной) власти. Пётр I в четверти XVIII века осуществил ряд коренных административных преобразований, в результате реформ в области управления система бюрократических государственных учреждений в России стала соответствовать европейской: Сенат, Синод, Кабинет и коллегии в центре, губернаторы, провинциальные воеводы, комиссары и другие — на местах. Старая приказная система заменилась новой — колле-

гиальной, преимущество которой состояло в том, что был введен единый строго ведомственный принцип разделения сфер управления, что, по сравнению с приказом, обеспечивало более полную централизацию государственного аппарата [6;44]. Организация нового, по европейскому образцу, разветвленного чиновно-бюрократического государственного аппарата настоятельно требовала соответствующего речевого оформления, прежний приказный язык, «бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности» [7;82], не мог соответствовать новым требованиям. При активном формировании в этот период общественно-административной терминологии нового типа решающую роль в ней стал играть «мощный иноязычный элемент» — резко возросшие количественно западноевропейские заимствования. О Петровском времени принято говорить как о времени интенсивного «западноевропейского влияния», в частности, и на русский язык. Главным показателем «влияния» являются многочисленные лексические заимствования, называющие множество новых предметов, явлений, понятий, связанных с активными преобразованиями, затронувшими все области общественной жизни России. Один из дореволюционных исследователей так в образной форме изобразил «нашествие» иностранных слов: «Хотя прежние дьяки, окольные, воеводы влачат еще кое-как свое существование в Москве и других старых городах, но рядом с ними теперь в новой столице являются и новые люди, которым присваиваются и новые чины, взятые с иностранного. Так, появляются теперь *администратор, актуариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, маклер, министр, полицеймейстер, президент, префект, ратман* и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам *император*. Все эти *персоны* в своих *ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегии, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, *адресуют, аккредитуют, апробируют, арестуют, баллотировывают, конфискуют, корреспондируют, претендуют, секундируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют* и т.д., *инкогнито, в конвертах, пакетах, разные акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордеры, проекты, рапорты, тарифы* и т.п.» [8].

Заимствования новой административной терминологии находят отражение и на страницах романа «Девятый Спас»: именуемый *стольником* царевны Софьи в начале повествования Автоном Зеркалов далее уже носит имя *гехаймрата*. Значение титула и должности «гехаймрат» в немецком языке — «тайный советник».

Для удовлетворения потребностей все более европеизирующегося дворянства создаются разнообразные руководства, регламентировавшие бытовой уклад высших общественных классов. Например, «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, т.е. писания от потентатов к потентатам поздравительные и сожалительные, и иные; такжеже между сродников и приятелей». Это был переведенный с немецкого языка сборник писем разнообразного содержания, которые предлагались в качестве образцов для подражания («приклады» — примеры, образцы; «потентаты» — господа, букв. властители). «Приклады» способствовали распространению новых, «европейских» языковых традиций в обращении и переписке. С начала XVIII века в России распространяется обращение «на Вы», в письмах постепенно прививаются обращения типа «милостивый государь», «господин мой», «любезнейший родственник», «дражайший приятель» и т.п., подписи типа «ваш покорный слуга», «остаюсь ко услужению готовый» и т.п. Появляются в обиходе выражения вроде «имею честь удостоить», «извольте уведомить», «окажите любезность» и т.п. Распространению новых форм и норм «житейского обхождения», общения, в том числе и языкового, способствовала и такая знаменитая книга, как «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» (1719). В такого рода произведениях, внедрявших «светский политес» в среду дворянства, постоянно встречались и неологизмы, и заимствования из европейских языков, перемежавшиеся с традиционными церковнославянскими и архаизмами.

Подчеркнутый интерес к «галантереям романическим» и к европейским навыкам «житейского обхождения» отражается в их языке. Галантереи — это книги, «в которых о амурах, то есть о любви женской, и храбрых делах для оной учиненных баснями описано», а «шевальеры эрранты, или заблудшие кавалеры, называются все те, которые, езда по всему свету, без всякого рассуждения, в чужие дела вмешиваются и храбрость свою показывают» [7; 56, 57]. Здесь, как в кривом зеркале, отражилось запоздалое увлечение средневековыми западноевропейскими романами, традиции которых внедряются в переводные повести Петровской эпохи и в оригинальные произведения, создающимися

анонимными авторами по этим переводным образцам. Герои и героини романа «Девятный Спас», несомненно, были знакомы с упомянутыми «галантерейными» произведениями:

Из деревенщины в изящную столичную демуазель Василиса обратилась быстро... Изготовили ей платьев с фижмами, ...куафёр научил укладывать косу поверху... С неделю мучилась, обучаясь у танцмейстера воздушной походке... Иноязычное речение тоже превзошла быстро, не хуже прочих: из немецкого могла сказать без запинки пятнадцать выражений, из французского — целых тридцать. Бонжур, шер шевалье. Кель плезир. Оревуар. Роб манифик. Куафюр сюперб. Чего больше-то? [3;309].

Ну и с тех пор почти каждый день стала получать от воздыхателя знаки амурного внимания. К примеру, доставили свернутою трубкой гравюру: «Гишпанский рыцарь Сид, безумствующий от неуголенной страсти». На картинке кавалер наг, власы и бороду на себе отчаянно рвет, а прекрасная дева ему делает индифференцию — отвернулась, нюхает цветок [3;315].

Для правильного понимания путей развития русского литературного языка в Петровское время важно не упускать из вида то обстоятельство, что влияние чужого языка — не только внешний фактор, но и нечто, что связано с внутренним, имманентным развитием языка-реципиента. Русский язык, как полагают, избирает при заимствовании именно то, что требуется его структуре и языковому существованию, т.е. выступает в процессе заимствования «активной» стороной.

Определяя главными сферами распространения западноевропейских заимствований официальную дипломатическую и административную переписку и практику, научно-техническую литературу и военно-морское дело, следует иметь в виду, что и другие области общественной жизни и быта активно усваивали заимствования. Например, в быту широко распространились такие слова, как *кавалер, камзол, карета, квартира, лакей, магазин*. Эти слова, естественно, рассыпаны во множестве на страницах текста романа «Девятный Спас», и для читателей было бы откровением узнать, что появились они впервые именно в Петровское время.

Итак, перед нами прекрасная стилизация, вполне уместная, без ненужных излишеств, в духе произведений новой светской литературы Петровской эпохи. Автор «Девятного Спаса» — полагаем, Григорий Чхартишвили, блестяще образованный филолог — в художественный текст романа вплепел и причудливо смешал те разнородные речевые элементы, которые были свойственны русскому языку этого времени. Через сосуществующие противоборствующие элементы церковнославянского языка, просторечной и даже диалектной стихии, а также иноязычные заимствования в тексте оказалась прописана историческая эпоха. Эпоха, характеризуемая в лингвистическом отношении тем, что старые системные связи языковых единиц были разорваны, а новые еще не установились. Справедливо писал В. В. Виноградов об этой эпохе: «...потребность стилистической дифференциации и нормализации языковых форм в новой системе русского литературного языка становится все более осязаемой и неотложной» [7;82].

Список литературы

- 1 Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1985. — 215 с.
- 2 Мещерский Н.А. История русского литературного языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 279 с.
- 3 Камчатнов А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века. — М.: АCADEMA, 2005. — 681 с.
- 4 Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 591 с.
- 5 Брускин А. Девятный Спас. — М.: Астрель, 2008. — С. 88, 89.
- 6 Кувшинова Н.М. Германизмы в русском языке начала XVIII века как отражение исторической эпохи // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология». — Т. 20 (59). — 2007. — №3. — С. 45, 46.
- 7 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. — М.: Высш. шк., 1982. — 529 с.
- 8 Горшков А.И. Русский язык. Очерки русской культуры XVIII века. — Ч. 3. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 277, 278.

С.М.Треблер

Көркем мәтін бейнесіндегі дәуірдің тілдік жағдайы

Тіл уақыт өте келе өзгереді, бұл эволюциялық сапа онда имманент түрінде қаланған. Мақалада Петр дәуірінің тілдік жағдайының көрінісі қазіргі көркем мәтінде қарастырылды. Бұл дәуірдегі тілдің негізгі сипаты оның генетикалық әркелкілігінде көрінеді. А.Брусникинның «Девятный Спас» романында үш лексикалық топ — славянизмдер, қарапайым тіл, кірме сөздер, сонымен қатар көнерген славян және жаңа ауызекі тілді грамматикалық формалар, синтаксистік құрылымдар әр түрлі мөлшерде араласып, байланысқаны анықталды, осылардан сол уақытқа дейін орыс әдеби тілі қалыптасқан.

S.M.Trebler

Language situation of an era reflected in the literary text

Language is changing in time. This evolutionary characteristic is engendered inherently in it. This article deals with the reflection of the linguistic situation of Petrine age in correlation with modern literary text. The main characteristic of the language of Petrine age is its genetic diversity. It is discovered that in the text of the novel «The ninth Spas» by A.Brusnikin three various lexical layers are united in different proportions; words derived from Church Slavonic, vernacular and borrowings as well as archaic Slavonic and new conversational grammar forms, syntactic constructions from which the Russian literary language has been historically formed by now.